

УДК 343.9
ББК 67.51

М.П. Клейменов,
доктор юридических наук, профессор
И.М. Клейменов,
кандидат юридических наук

ПРОФАНАЦИЯ КРИМИНОЛОГИИ

В статье анализируется тенденция некорректного использования криминологических понятий и необоснованных притязаний на криминологические значимые выводы представителями других наук, которая проявляется в географических, политологических, исторических, экономических, социологических, философских исследованиях. Она выражается в непонимании сложных криминологических связей между явлениями, формулировании банальных и юридически безграмотных рекомендаций и в целом дискредитирует криминологию как науку. Авторы призывают научное сообщество криминологов противодействовать тенденции профанации криминологии.

Ключевые слова: предмет криминологии; профессиональная криминология; научная спекуляция; юридическое мышление; криминологическое мышление.

M.P. Kleymyonov,
Doctor of Law, Professor
I.M. Kleymyonov,
Ph.D. in Law

PROFANATION OF CRIMINOLOGY

The paper analyzes the trend for incorrect use of criminological notions and unfounded claims on criminologically significant conclusions made by representatives of other sciences that can be found in geographic, political science, historical, economic, sociological and philosophical studies. It is manifested in the lack of understanding of complex criminological links between phenomena, the formation of banal and legally illiterate recommendations and, on the whole, it discredits criminology as a field of scholarship. The authors call upon the research community of criminologists to resist this trend for profanation of criminology.

Key words: object of criminology; professional criminology; research speculation; legal thinking; criminological thinking.

Значение криминологии в современном мире постоянно возрастает. Это обусловлено криминализацией общественных отношений как в глобальных масштабах, так и в рамках многих суверенных государств. Криминализации подвергаются все отношения и процессы без исключения: международные, экономические, религиозные, социально-психологические и т. д.

Поэтому закономерно, что в настоящее время к криминологии проявляют интерес представители других специальностей. Часть из них понимает, что они «пришли на территорию» другой науки, и это, как минимум, требует знания ее основ, дискурса и достижений. Другие просто «захватывают» предмет криминологии, объявляя его своей научной собственностью. В качестве примера подобного «самозахвата» можно привести диссертацию А.В. Кулагина на соискание

ученой степени кандидата географических наук «Территориальная дифференциация преступности в субъекте Российской Федерации на примере Самарской области», выполненную в Самарском государственном экономическом университете [5].

В диссертации элементарные положения, имеющиеся в каждом учебнике по криминологии, выдаются за научные достижения, предлагаются чрезвычайно сомнительные криминологические классификации, формулируются юридически некорректные определения. В этом исследовании преступность рассматривается как социально-экономическая категория, вводится понятие административной преступности, т. е. автор полностью игнорирует уголовно-правовую природу преступлений и не видит разницы между уголовно наказуемым деянием и административным правонарушением. Автор

не имеет представления о показателях общественной опасности и территориальной локализации преступности, не учитывает факторы регистрационной дисциплины и латентности, не владеет методами дисперсионного и корреляционного анализа.

В качестве тенденции современной преступности А.В. Кулагин указывает на отток специалистов из МВД и других спецслужб, заведомо смешивая феномен преступности, ее причины и следствия. В качестве научного результата предложена небрежная, с исторической, юридической и криминологической точек зрения, совершенно необоснованная периодизация эволюции преступности в России. В этой эволюции автор выделяет пять этапов. Первый этап (до XIX в.) – отсутствие в России организованной преступности. Второй этап (1825–1917 гг.) – становление организованной политической и уголовной (терроризм, убийства, разбой) преступности. Третий этап (1917–1950 гг.) – появление в России не имеющей аналогов в мировой криминальной практике криминальной кооперации – сообщества «воров в законе». Четвертый этап (1953–1985 гг.) – стихийное и уголовно организованное перераспределение национального богатства. Пятый этап (1985–2000 гг.) – образование криминально-политического союза, реализующего свои интересы путем слома системы экономического и социального контроля в обществе, а также системы обеспечения общественной и государственной безопасности. Шестой этап (2000 г. по н. в.) – современная преступность является, по существу, особой отраслью бизнеса, а ее особенностью стала теснейшая взаимосвязь экономической, политической и транснациональной преступности.

Приведенная периодизация демонстрирует отсутствие у автора элементарных исторических, юридических и криминологических знаний. Это уверенно подтвердит любой компетентный специалист в области истории России, истории отечественного и зарубежного права и государства, исследователь терроризма и организованной преступности.

При этом автор, изучая географию преступности, формулирует выводы политического характера, тем самым нарушая элементарную логику построения силлогизмов и пытаясь за счет политизации суждений компенсировать отсутствие доказательств их обоснованности.

Так, отмечая самый низкий уровень экономической преступности в Москве и одновременно наивысший показатель иностранных инвестиций, он делает вывод о том, что это свидетельствует о наличии действительных центров организованных форм коррупции. Во-первых, непонятно, какое содержание автор вкладывает в понятие экономической преступности и откуда уверенность в том, что в Москве ее уровень самый низкий. Во-вторых, как можно на основе неполных и поверхностных статистических данных судить о распространенности центров коррупции. В-третьих, следует учитывать, что коррупция представлена в экономической преступности феноменом экономико-должностных преступлений, эти явления частично совпадают.

Поверхностность, непонимание сложности криминологических связей и взаимодействий профанирует криминологию, превращает ее в ту область научных знаний, дверь в которую специалисту в сфере любой другой науки можно открыть «пинком». Отсюда и соответствующая глубина выводов, подобных тем, которыми завершается цитируемое диссертационное исследование: ужесточить отбор кадров в правоохранительные органы, ужесточить нормы ответственности за совершаемые иностранцами на территории России преступления и т. д. [5, с. 10–11, 13, 15, 18].

Получается, что любой науке, в частности географии, нужно учиться, а криминологией может заниматься любой. Криминологические понятия знать не обязательно, труды криминологов изучать не нужно, их исследования можно просто игнорировать.

Между тем вопросы территориального распределения преступности глубоко и профессионально исследованы еще в 1970-х гг. отечественными криминологами А.И. Долговой, К.К. Горяиновым, Л.В. Кондратьевым, В.Н. Соминим. Это подлинно научные исследования, в которых эмпирическая информация собиралась «в поле», при ее анализе применялся аппарат математической статистики, а каждый вывод тщательно оценивался и верифицировался. Эволюция организованной преступности рассматривалась на специальных заседаниях нескольких криминологических «круглых столов» по председательством президента Российской криминологической ассоциации А.И. Долговой, она освещена в работах В.А. Вакутина,

А.И. Гурова, А.С. Овчинского, В.С. Овчинского, А.Л. Репецкой, П.Л. Скобликова. Этими учеными обобщен личный профессиональный опыт, изучены результаты зарубежных исследований, сформулированы серьезные научные рекомендации [14]. А.В. Кулагин незнаком с данными этих и других криминологических работ, да он в этом и не нуждается. Географы криминологии не знают, поэтому рассматриваемая диссертация может быть ими оценена как научный прорыв в географической науке. Что же касается криминологов, то они могут и не подозревать, что в недрах других наук ведется работа по спекулятивному освоению предмета криминологии.

А такая работа идет, и здесь выявлен и отмечен не случай, а тенденция. В Московском авиационном институте Д.А. Квон подготовил диссертацию на соискание ученой степени кандидата политических наук на тему «Политическая преступность: проблема концептуализации и актуальные практики» [4]. Ее содержание целиком криминологическое, однако уровень – далеко не соответствует тем требованиям, которые предъявляются профессиональными криминологами к диссертационным исследованиям. Отсюда и некорректное использование юридической терминологии, выдающее ее непонимание автором, и произвольные классификации, и тривиальное содержание, закономерно порождающее банальные выводы.

Так, в диссертации проведено разграничение политических преступлений по субъекту и объекту их совершения на:

а) преступления, совершаемые по политическим мотивам отдельными лицами или группировками против легального конституционного строя, интересов государства или законных руководителей;

б) преступления, совершаемые по политическим мотивам отдельными лицами или группами лиц против своих политических конкурентов;

в) преступления, совершаемые правящей группировкой в собственных политических целях против народа, отдельных партий, групп и конкретных лиц.

Д.А. Квон, очевидно, и не подозревает, что понятия субъекта и объекта преступления имеют четкое юридическое содержание, а мотивы относятся к субъективной (психологической) стороне преступления, а не к

его субъекту. Субъектом преступления не может быть группа, а тем более «правляющая группировка». В соответствии с законом – субъект преступления – это физическое вменяемое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности. Недопустимо использовать юридические понятия в «политологическом смысле». Такая подмена понятий не только есть выражение юридической безграмотности, но и неверна по существу, поскольку не дает возможности увидеть всей сложности той политико-правовой материи, которую исследует автор. Подобная непродуктивная произвольность видна и из других фрагментов диссертации.

Так, в исследовании выстроена теоретическая модель классификации политической преступности на различные типы: властно-антинародную, бюрократическую, антигосударственную, международную античеловеческую и электоральную. Не говоря о том, что следует различать типологию и классификацию, неясно, по какому основанию построена предложенная дифференциация. Очевидно только, что в ней не учтены ни уголовно-правовые, ни криминологические признаки. Так, не существует такого преступления, как массовые политические репрессии, которые, по мнению автора, образуют подсистему властно-антинародной преступности. В УК РФ предусмотрена ответственность за геноцид (ст. 357), но это преступление встроено в подсистему «международной античеловеческой преступности». И так далее – по всему тексту работы. Поэтому не случайно столь расплывчаты и некорректны выводы автора: совершенствование отечественного законодательства (не уточнено, какого и в створе каких конкретных предложений); увеличение сроков лишения права заниматься политической деятельностью (?); внесение дополнений, связанных с правонарушениями в области современных информационных технологий (?) и др. [4, с. 22].

И.А. Решетнев выполнил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Деятельность органов государственной власти Российской империи по борьбе с правонарушениями подданных азиатских стран в дальневосточном регионе (1858–1917 гг.)». Первая глава названа «Причины криминогенного поведения азиатских подданных на востоке Российской империи (1856–1917 гг.)». Введение в оборот

понятия криминогенного поведения было бы оправданным, если бы автор понимал, о чем идет речь: поведение может быть криминогенным, если лицо склоняет кого-либо к совершению преступления или осуществляет иную деятельность, которая раскрывается в формах прикосновенности к преступлению. В действительности в работе говорится о структуре правонарушений. Столь же произвольно соискатель толкует понятие криминогенных факторов [15, с. 17].

В этом же ряду находится диссертация А.В. Белякова на соискание ученой степени кандидата исторических наук на тему «Борьба с коррупцией и организованной преступностью в КНР в период реформ и открытости (1978–2005)» [1], диссертация А.Н. Перенджиева на соискание кандидата политических наук на тему «Антитеррористическая политика современного российского государства» [12], задачи которых решаются без использования криминологического научного аппарата, а следовательно, некомпетентно и поверхностно.

Эти примеры можно продолжать, обращаясь к работам по социологии, экономике. Банальность их научных результатов, которые находятся в явном противоречии с большим массивом изученных данных, может быть объяснена только высокомерным отношением к науке криминологии. Иначе бы авторы не формулировали гипотезы, подобные тем, которые в отечественной криминологической науке выдвигались более 30 лет тому назад. Вот пример такой гипотезы: в мотивационной структуре преступления несовершеннолетнего ведущее место занимают мотивы, связанные с поиском собственного самоутверждения.

И конечно, юридически некорректно полагать, что специфика преступности несовершеннолетних в Ярославской области объясняется комплексом экономических, социально-исторических и демографических факторов, учет которых должен предопределять более дифференцированный подход к осуществлению мер по профилактике и раскрытию преступлений в каждом из районов Ярославской области [17]. Как это следует делать, автор не поясняет, да и не смог бы пояснить при всем его желании, потому что процесс предупреждения, в особенности раскрытия преступлений, опирается на соблюдение федерального законодательства, кото-

рое по определению лишено региональной специфики.

Только невниманием к результатам криминологических исследований можно объяснить такие выводы и рекомендации в диссертации на соискание ученой степени доктора экономических наук, как: «ядром криминальной экономики является организованная, экономическая и профессиональная преступность», «необходимо усилить юридическую ответственность за экономические преступления»; «при формировании государственной политики по борьбе с экономическими преступлениями и правонарушениями следует учитывать характер причиняемого вреда. При возможности возмещения ущерба юридическая ответственность должна быть направлена на возмещение причиненного вреда. При невозможности возмещения ущерба необходимо применять карательные санкции, адекватные характеру совершенного деяния»; «следует обратить особое внимание на недостаточную эффективность действий правоохранительной системы страны по предупреждению коррупции и борьбе с ней»; «видится необходимым усовершенствовать нормы законодательства, закрепляющие правовой статус правоохранительных органов» [6]. Между тем в криминологии разработано понятие экономической организованной преступности, феномен которой исследован в монографических работах [10; 13]. Рекомендации по легализации возможности откупиться от ответственности противоречат борьбе с коррупцией, к чему призывает диссертант, и т. д.

Тенденция вторжения на «территорию» науки криминологии со стороны представителей других отраслей научного знания продолжает нарастать. И это закономерно, учитывая процесс активной криминализации общественных отношений. А поскольку здесь проявляет себя закономерность, то против нее бессмысленно бороться. Установленную тенденцию необходимо скорректировать в плане повышения уровня криминологических знаний, привлечения криминологов к рецензированию «стыковых» работ, обеспечения их участия в экспертной оценке диссертационных исследований и научном оппонировании.

Пока такие меры не реализуются, следует решительно возразить против профанации криминологии «пришельцами» из других

наук. Именно они создают нелепые понятия, например, миграционной преступности [16]. Буквально миграционная преступность – это «перемещенная преступность». Можно говорить о преступности среди мигрантов, среди иностранцев и т. п., но вряд ли обоснованно вводить понятие «миграционной преступности». Это псевдонаучно. Такая профанация дискредитирует криминологическую науку, принижает ее творческий потенциал, создает атмосферу дилетантизма и поверхностности. Недостаток криминологических знаний восполняется собственными рассуждениями, которым придается нарочито наукообразный вид, чтобы зашифровать невежество авторов в области криминологии.

Доктор философских наук В.О. Лобовиков разрабатывает математическую этику и математическое правоведение, пытаясь заменить «многозначный и поэтому вводящий в заблуждение естественный язык однозначным искусственным языком дискретной математической модели». Совершает он экскурсы и в область криминологии. В «Вестнике Омской академии МВД РФ» опубликована статья «Философия преступления» и «философия жизни» Ф. Ницше с точки зрения современной криминологии и двузначной алгебры формальной аксиологии». Не говоря о том, что автор совершенно не знаком с концепциями современной криминологии, да и вообще с криминологической наукой (характерно, что в статье нет ни одной ссылки на какую-либо криминологическую работу), его подход есть не что иное, как «изъятие» объекта (предмета) науки с целью его аннигиляции (уничтожения).

Сложный объект требует адекватных средств его описания. Мотивация преступного поведения представляет собой сверхсложный объект, и его заведомая примитивизация с помощью двузначной алгебры есть выражение научного нигилизма. Не случайно Ф. Ницше так симпатичен автору, как и маркиз де Сад, о котором сообщается, что он невинная жертва процессуальных ошибок и отчасти – политических репрессий [8, с. 26]. Их всех объединяет идея оправдания зла. Но для того, чтобы математически оправдать зло, необходимо изначально придерживаться именно этой парадигмы. Напротив, первооткрыватель математического анализа этики В.А. Лефевр доказал, что жизнеспособна только парадигма, включающая в себя фено-

мен совести, в которой антиномия добра и зла решается путем запрета творить зло и недопустимости компромисса с ним [7, с. 54–56, 123–127].

Как видим, вторжение в область криминологии представителей других наук может посягать и на саму методологию этой науки, вымывая из-под нее фундаментальные нравственные и правовые основы.

Нужно понимать, что российская криминология – правовая наука. В России, где криминология в значительной мере является порождением уголовного права, этот тезис вряд ли нуждается в подробном обосновании. Патриархи российской криминологии (А.А. Герцензон, В.Н. Кудрявцев, И.И. Карпец и др.) были выдающимися специалистами в области уголовного права и никогда не переставали быть таковыми. Криминологию в РСФСР, СССР и РФ традиционно разрабатывают преимущественно юристы, что придает отечественной криминологии своеобразный и неповторимый характер. Она является по своей исторической судьбе, специализации наиболее выдающихся ученых, специфике мышления – юридической наукой. Ее место в классификации научных специальностей определено совершенно правильно, и на этом месте криминология призвана быть максимально прагматичной.

Юридическое мышление отличается спецификой – сравнительно с мышлением, например, врача или инженера, математика, экономиста, социолога или психолога. По мнению А.И. Овчинникова, оно представляет собой процесс освоения и понимания окружающей индивида социально-правовой действительности, результатом которого является желаемое и позитивное право, а также комплекс правовых знаний, идей, взглядов, представлений, институционализирующийся в правовом сознании и юридическом мировоззрении человека. Все интеллектуально-волевые процессы, связанные с выбором юридически значимого поведения, реализацией правовых норм, правотворчеством, протекают в правовом мышлении. Правовое мышление имеет герменевтическую природу [9, с. 7–8].

На наш взгляд, важно отметить, что юридическое мышление является гуманитарным, где ценность человека и его прав звучит наиболее громко. Оно акцентуировано на вопросах вины и ответственности, что дела-

ет его более прогностичным и взвешенным. Правовое мышление является менее приземленным (материалистичным), поскольку имеет духовное измерение, хотя бы в виде «духа законов». Обязательное для юриста усвоение конституционных положений предполагает бесспорное признание приоритета системы правовых ценностей, знание их иерархии и последовательное применение во утверждение конституционализма. В этом смысле юридическое мышление всегда более консервативно, чем мышление представителей других научных специальностей, и в этом его центростремительная сила. Юридическое мышление в принципе должно быть ориентировано на поиск истины. Полагаем, что юридическое мышление должна пронизывать идея социальной справедливости.

Сказанное, конечно, не означает, что юридическое мышление является совершенным. Кроме того, его специфика не исчерпывается сформулированными замечаниями. Здесь важно подчеркнуть, что мышление криминологов является (в принципе должно быть) юридическим, а не психологическим, социологическим, медицинским, техническим и т. д.

Правовой характер российской криминологии определяет ее преимущества перед теми научными направлениями, а также зарубежными криминологиями, которые основаны на другом подходе: социологическом, политологическом, экономическом, психоаналитическом и др. Такие преимущества выражаются: в юридическом определении преступного поведения и недопустимости его отождествлении с общественно опасными девиациями; правовом ограничении средств воздействия на правонарушителя, основанном на предвидении негативных последствий нелегитимных социальных практик; согласовании права и нравственности, что исключает дискурс «по ту сторону добра и зла» и формирование обезличенных социальных технологий; понимании сложности юридического механизма и необходимости соблюдения многих условий при его регулировании; утверждении приоритета средств над целями и недопустимости внеморального, технократического решения социальных проблем; внимательном изучении достижений других наук, исключая пренебрежительное к ним отношение. В целом можно с уверенностью констатировать, что движе-

ние криминологов навстречу другим наукам более продуктивно, чем движение встречное. Наиболее ярко это демонстрирует в своей научной деятельности В.С. Овчинский [11].

В то же время криминологическое мышление является социально-правовым. Впервые на это обратил внимание известный российский криминолог А.Э. Жалинский, посвятивший данной проблеме отдельную научную работу [3]. В контексте современной жизни этот тезис указывает на реалистичность, комплексность и гражданственность даваемых криминологом оценок. Российский криминолог никогда не будет делать выбор в пользу англосаксонской или романо-германской криминологической школы, он склонен развивать традиции отечественной криминологии, разумеется, изучая опыт зарубежных коллег. Социальный контекст не всегда просматривается в мышлении «чистого» юриста, которое имеет собственные ценностные ориентации, эталоны профессиональных ролей.

Как замечает А.Э. Жалинский, эталоном для юристов ФРГ является профессиональная роль судьи, и, соответственно, основное направление деятельности судьи – применение позитивного права. Юристы же США ориентируются на другую профессиональную роль, а именно роль адвоката, которая ориентирована на интересы клиента и поиск способов улучшить его фактическое и правовое положение [2]. У российских юристов также существуют эталоны в различных сферах профессиональной деятельности и в ряде случаев эти эталоны существенно корректируются под влиянием криминогенных факторов и внешним давлением, включая давление криминальной среды. Криминологическое мышление в этом отношении не только более независимо, оно как раз учитывает «криминогенные зоны» юридического мышления. Реалистичность криминологического мышления – качество, которое следует развивать у представителей различных юридических и иных научных специальностей. В этом – залог повышения уровня исследований, осуществляемых на стыке криминологии и иных наук.

Справедливости ради, следует сказать, что профанация криминологии имеет объективные основания. Оперативное преобразование общественно-социального строя в России по криминальному сценарию всех

сделало криминологами. Сейчас любой таксист – криминолог. В этом легко убедиться, начав с ним разговор о коррупции, мафии и пр. Но это бытовая криминология, которая является реакцией столкновения каждого человека с острыми криминогенными противоречиями, которые видны всем, кроме тех, кто должен их решать. Точнее, лица, которые должны разрешать эти противоречия, предпочитают их упорно не замечать, игнорировать, что также дает толчок для бытовых криминологических гипотез.

Другое объективное основание для профанации криминологии – вовлечение в

орбиту профессиональной деятельности криминологов огромного числа неподготовленных лиц, что связано с издержками юридического образования в стране. Третье основание – рост дилетантизма во всех сферах профессиональной деятельности: от ремонта автомобилей – до политики и государственного управления. Криминология здесь не является исключением.

Однако существует профессиональная криминология, криминологическое научное сообщество, перед которым стоит задача защиты профессиональных интересов, противодействия профанации криминологии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Беляков А.В.* Борьба с коррупцией и организованной преступностью в КНР в период реформ и открытости (1978–2005) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2006.
2. *Жалинский А.Э.* Правовая мысль и профессиональная деятельность юристов // *Право и политика.* – 2005. – № 8.
3. *Жалинский А.Э.* Социально-правовое мышление: проблемы борьбы с преступностью. – М. : Наука, 1989.
4. *Квон Д.А.* Политическая преступность: проблема концептуализации и актуальные практики : автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2008.
5. *Кулагин А.В.* Территориальная дифференциация преступности в субъекте Российской Федерации на примере Самарской области : автореф. дис. ... канд. геогр. наук. – Воронеж, 2009.
6. *Купрещенко Н.П.* Противодействие теневой экономике в системе экономической безопасности России: (теоретико-методологический подход) : автореф. дис. ... д-ра. экон. наук. – М., 2008.
7. *Лефевр В.* Алгебра совести. – М., 2003.
8. *Лобовиков В.О.* «Философия преступления» и «философия жизни» Ф. Ницше с точки зрения современной криминологии и двузначной алгебры формальной аксиологии // *Вестник Омской академии МВД РФ.* – 2008. – № 2.
9. *Овчинников А.И.* Правовое мышление: аксиологический и герменевтический аспекты : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д, 2000.
10. *Овчинский А.С.* Информационные воздействия и организованная преступность. – М., 2007.
11. *Овчинский В.С.* Криминология кризиса. – М. : Норма, 2009.
12. *Перенджиев А.Н.* Антитеррористическая политика современного российского государства : автореф. дис. ... канд. полит. наук. – М., 2007.
13. *Репецкая А.Л.* Организованная преступность в сфере экономики и финансов и проблемы борьбы с ней. – Иркутск, 2000.
14. *Репецкая А.Л.* Транснациональная организованная преступность: характеристика, причины, стратегии контроля. – Иркутск, 2001.
15. *Решетнев И.А.* Деятельность органов государственной власти Российской империи по борьбе с правонарушениями подданных азиатских стран в дальневосточном регионе (1858–1917 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2007.
16. *Собольников В.В.* Миграционная преступность и ее предупреждение // *Законность.* – 2005. – № 8.
17. *Таланов С.Л.* Региональные особенности формирования личности несовершеннолетнего делинквента в условиях трансформации российского общества : автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 2008.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATED)

1. *Belyakov A.V.* Bor'ba s korruptsiei i organizovannoy prestupnost'yu v KNR v period reform i otkrytosti (1978–2005) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. – M., 2006.
2. *Zhalinskiy A.E.* Pravovaya mysl' i professional'naya deyatel'nost' yuristov // *Pravo i politika.* – 2005. – № 8.
3. *Zhalinskiy A.E.* Sotsial'no-pravovoe myshlenie: problemy bor'by s prestupnost'yu. – M. : Nauka, 1989.
4. *Kvon D.A.* Politicheskaya prestupnost': problema kontseptualizatsii i aktual'nye praktiki : avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. – M., 2008.

5. *Kulagin A.V.* Territorial'naya differentsiatsiya prestupnosti v sub'ekte Rossiyskoy Federatsii na primere Samarskoy oblasti : avtoref. dis. ... kand. geogr. nauk. — Voronezh, 2009.
6. *Kupreshshenko N.P.* Protivodeystvie tenevoy ekonomike v sisteme ekonomicheskoy bezopasnosti Rossii: (teoretiko-metodologicheskii podkhod) : avtoref. dis. ... d-ra. ekon. nauk. — M., 2008.
7. *Lefevr V.* Algebra sovesti. — M., 2003.
8. *Lobovikov V.O.* «Filosofiya prestupleniya» i «filosofiya zhizni» F. Nitsshe s tochki zreniya sovremennoy kriminologii i dvuznachnoy algebry formal'noy aksiologii // Vestnik Omskoy akademii MVD RF. — 2008. — № 2.
9. *Ovchinnikov A.I.* Pravovoe myshlenie: aksiologicheskii i germenevticheskii aspekty : avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. — Rostov n/D, 2000.
10. *Ovchinskiy A.S.* Informatsionnye vozdeystviya i organizovannaya prestupnost'. — M., 2007.
11. *Ovchinskiy V.S.* Kriminologiya krizisa. — M. : Norma, 2009.
12. *Perendzhiev A.N.* Antiterroristicheskaya politika sovremennogo rossiyskogo gosudarstva : avtoref. dis. ... kand. polit. nauk. — M., 2007.
13. *Repetskaya A.L.* Organizovannaya prestupnost' v sfere ekonomiki i finansov i problemy bor'by s ney. — Irkutsk, 2000.
14. *Repetskaya A.L.* Transnatsional'naya organizovannaya prestupnost': kharakteristika, prichiny, strategii kontrolya. — Irkutsk, 2001.
15. *Reshetnev I.A.* Deyatel'nost' organov gosudarstvennoy vlasti Rossiyskoy imperii po bor'be s pravonarusheniyami poddannyykh aziatskikh stran v dal'nevostochnom regione (1858-1917 gg.) : avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. — Irkutsk, 2007.
16. *Sobol'nikov V.V.* Migratsionnaya prestupnost' i ee preduprezhdenie // Zakonnost'. — 2005. — № 8.
17. *Talanov S.L.* Regional'nye osobennosti formirovaniya lichnosti nesovershennoletnego delinkventa v usloviyakh transformatsii rossiyskogo obshchestva : avtoref. dis. ... kand. sotsiol. nauk. — M., 2008.

Информация об авторах

Клейменов Михаил Петрович (Омск) — доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры уголовного права и криминологии. ГОУ ВПО «Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского» (644065, Омск, ул. 50 лет Профсоюзов, 100А, e-mail: klim798@mail.ru)

Клейменов Иван Михайлович (Санкт-Петербург) — кандидат юридических наук, главный консультант Управления конституционных основ уголовной юстиции. Конституционный Суд Российской Федерации (190000, Санкт-Петербург, Сенатская площадь, 1)

Information about the authors

Kleymyonov, Mikhail Petrovich (Omsk) — Doctor of Law, Professor, Hon-ored Researcher of the Russian Federation, Professor, Chair of Criminal Law and Criminology. Omsk F. M. Dostoevsky State University (100A, 50 let Profsoyuzov str., Omsk, 644065, e-mail: klim798@mail.ru)

Kleymyonov, Ivan Mikhailovich (St. Petersburg) — Ph. D. in Law, Chief Consultant, Department of Constitutional Foundations of Criminal Justice. Constitutional Court of the Russian Federation (1, Senatskaya ploshad, St. Petersburg, 190000)